

УДК 347.44

DOI: 10.34670/AR.2022.99.13.026

Правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных государствах

Корчагин Анатолий Георгиевич

Кандидат юридических наук, доцент,
и.о. заведующего базовой кафедрой
конкурентного и предпринимательского права,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: yargul@rambler.ru

Гулевский Ярослав Евгеньевич

Студент,
Юридическая школа,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Российская Федерация, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10;
e-mail: yargul@rambler.ru

Аннотация

В статье авторы рассматривают правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных государствах, анализируют основные подходы законодателей к вопросу определения правовой природы смарт-контрактов, изучают юридическую доктрину. Относительно вопроса определения правовой природы SC, можно выделить две модели правового регулирования: первая – SC как технология, программный код, компьютерная программа; вторая – SC как договор. В большинстве рассмотренных случаев законодатель приходит к выводу, что наиболее правильно понимать SC как программный код. В некоторых же случаях модель правового регулирования складывается по второму варианту. Общими проблемами для всех государств, осуществляющих правовое регулирование SC, является слабая проработанность вопросов, связанных со спецификой SC. Не во всех случаях законодатель дает легальное определение SC, а даже если он делает это, то дальнейшего углубления в правовом регулировании он не осуществляет. Российскому законодателю стоит проанализировать опыт зарубежных государств, учесть преимущества и недостатки решений различных законодателей, после чего с учетом российской специфики осуществлять собственное правовое регулирование SC, поскольку вместе с развитием общественных отношений возрастает необходимость использования в них различных технологий, одной из которых и является SC.

Для цитирования в научных исследованиях

Корчагин А.Г., Гулевский Я.Е. Правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных государствах // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 10А. С. 435-441. DOI: 10.34670/AR.2022.99.13.026

Ключевые слова

Смарт-контракты, правовая природа, правовое регулирование, сравнительно-правовой анализ, контрактное право.

Введение

На сегодняшний день нельзя сказать, что в мире сложилось единое понимание правовой природы смарт-контракта (smart contract; далее – SC). В свою очередь, из-за этих различий законодатели используют достаточно разные модели и методы правового регулирования: рознятся условия и сфера применения SC. Такие расхождения в понимании правового статуса SC порождают ряд проблем, которые должны быть устранены: существуют риски нарушения прав лиц, использующих SC, возникают трудности судебной защиты законных интересов таких лиц. Анализ зарубежного опыта позволит всесторонне рассмотреть подходы к определению правовой природы SC, выделить преимущества и недостатки тех или иных концепций, найти наиболее оптимальный вариант правового регулирования.

Стоит отметить, что в государствах, где хотя законодатель и дает легальное определение SC или признает юридическую возможность их использования, соответствующая законодательная база все равно, как правило, проработана слабо.

Основная часть

В доктрине существует позиция, согласно которой SC не нуждаются в особом законодательном регулировании. Некоторые авторы считают, что отношения, возникающие из SC, возможно регулировать уже существующими нормами гражданского права [Трунцевский, Севальнев, 2020, 142]. Мы считаем такой подход не вполне верным, поскольку всесторонне и основательно вопрос правовой природы SC еще не прорабатывался, соответственно делать выводы о сущности данного явления сейчас преждевременно. Анализ же опыта зарубежных государств в рассмотрении проблемных вопросов, связанных с SC, в свою очередь позволит более глубоко рассмотреть сущность SC.

Одним из первых государств в Европе, осуществивших законодательное закрепление возможности использования SC, стала Республика Беларусь. Согласно Декрету Президента Республики Беларусь №8 от 21 декабря 2017 года «О развитии цифровой экономики», резидентам Парка высоких технологий Республики Беларусь предоставлено право «осуществлять совершение и (или) исполнение сделок посредством смарт-контракта». Если рассмотреть Приложение №1 к Декрету, то можно найти легальное определение SC, согласно которому – это программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий. Таким образом, в Республике Беларусь SC определяется как программа, технический код. Изначально SC были крайне ограничены по субъектному составу – заключать их могли лишь резиденты Парка высоких технологий. Позднее, 18 апреля 2019 года, Президент Республики Беларусь подписал Указ №148 «О цифровых банковских технологиях», согласно которому расширялся круг лиц, которые могут использовать SC – теперь такую возможность имеет Национальный банк и участники системы идентификации в отношениях между собой и с иными юридическими и физическими лицами. Особенностью правового

регулируемая SC в Республике Беларусь является, с одной стороны, тот факт, что признается возможность совершения сделок и иных юридически значимых действий с помощью SC, но, с другой стороны, законодатель не признает SC договорами. В силу такого положения сделать однозначные выводы о понимании правовой природы SC в Республике Беларусь затруднительно, но исходя из легального определения, несмотря на некоторые ранее упомянутые особенности, законодатель скорее склоняется именно к варианту программного кода, а не договора.

Далее считаем важным рассмотреть правовое регулирование SC в государствах, входящих в Европейский союз. Но прежде чем перейти к анализу правового регулирования SC в государствах-членах ЕС, стоит изучить регулирование SC на уровне Европейского союза непосредственно. Стоит отметить Регламент № 910/2014 Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об электронной идентификации и удостоверительных сервисах для электронных транзакций на внутреннем рынке». П. 1 ст. 25 Регламента указывает, что электронная подпись не должна быть лишена юридической силы и действительности на том основании, что она выполнена в электронной форме. То есть данный акт закладывает своего рода фундамент, базу для дальнейшего правового регулирования SC на уровне государств-членов ЕС, поскольку в SC идентификация сторон осуществляется в электронной форме. Следующим актом, играющим важную роль в рамках регулирования SC в ЕС, является Директива № 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об электронной коммерции». Ст. 9 Директивы дает гарантии, что страны-участницы ЕС обеспечивают заключение договоров с использованием электронных средств. Страны-участницы ЕС должны обеспечить, чтобы такие договоры не лишались юридической силы и действительности на основании того, что они заключены с помощью электронных средств. Данное положение имеет непосредственное отношение к SC, поскольку при их заключении используются электронные средства. Таким образом, можно сделать вывод, что на уровне ЕС нормативная база для возможности заключения SC существует. Но при этом отсутствуют нормы, которые бы непосредственно определяли правовую природу и специфику использования SC.

Далее стоит рассмотреть правовое регулирование смарт-контрактов непосредственно на уровне государств-членов ЕС.

В Федеративной Республике Германия сложилась особенная ситуация – на законодательном уровне признается криптовалюта, определенная как расчетное средство, то есть существует легальная возможность использования криптовалюты в отношениях между субъектами гражданского оборота. Но при этом SC в Германии никоим образом не урегулированы: отсутствует их легальное определение, нет отдельных актов, признающих возможность использования SC при заключении сделок. При этом сделки, связанные с использованием криптовалюты, осуществляются во многом с помощью SC. В 2013 году было опубликовано Постановление Федерального верховного суда Германии, в котором разъяснялись действия в случае наличия сомнений в волеизъявлении сторон из договоров в электронной форме. В Постановлении подчеркивается, что такие договоры должны интерпретироваться исходя из того, как если бы договор интерпретировал человек. То есть интерпретация компьютером заложенного в SC программного кода заменяется интерпретацией человека. Но как раз человеческая интерпретация программного кода может породить еще больше проблем, поскольку в рамках математической логики в SC заложены четко определенные варианты поведения машины. Человек же мыслит более широко, поэтому существует возможность

наличия гораздо большего числа вариантов толкования SC. Природа человека состоит в том, что часто в своих суждениях он субъективен, в то время как машина объективна в той части, в которой определен алгоритм ее работы, у нее отсутствует воля.

Следующим государством в рамках анализа правового регулирования SC в зарубежных государствах выступает Италия. Легальное определение SC дается в Законе 135/2018 от 7 февраля 2019 года, согласно которому – это компьютерная программа, работающая на основании технологии распределенного реестра и исполнение которой является обязательным в случае наличия согласия об этом сторон. То есть законодатель Италии признает SC программным кодом. Но при этом можно выделить следующую особенность: SC приравниваются к письменной форме заключения договора при условии идентификации сторон SC в соответствии с требованиями Агентства цифрового развития Италии. То есть, хотя и законодатель определяет SC как программный код, прямо не признавая за ним природу договора, тем не менее приравнивает его к письменной форме заключения договора. На сегодняшний день SC урегулированы в Италии не в полной мере, поскольку еще не разработаны те самые требования, руководящие принципы и стандарты для SC, задача проработки которых возложена на Агентство цифрового развития Италии.

Можно отметить существенные особенности правового регулирования SC во Франции. В рассмотренных ранее государствах законодатель пошел по пути формирования отдельных правовых актов, регулирующих SC. Французский законодатель пошел путем регулирования SC с помощью общих положений договорного права [Чуб, 2019, 155]. Французское законодательство не содержит как легального определения SC, так и запрета на их использование. При анализе доктринального осмысления SC во Франции Д. В. Чуб приходит к выводу, что среди французских юристов нет единого понимания правовой природы SC. Преобладают два подхода: первый – SC как программный код, второй – SC как договор. Д. В. Чуб приходит к выводу, что по большей части в юридической доктрине во Франции преобладает первый подход. В частности, М. Мекки приходит к выводам, согласно которым SC является компьютерной программой, выполняющей определенные условия, но никак не договором. С. Золински отрицает договорную природу SC, хотя и считает, что они могут служить доказательством заключения такого договора. Таким образом, хотя и правовое регулирование SC во Франции более полное, чем, например, в Германии, французский законодатель по отношению к SC действует консервативно и осторожно.

При рассмотрении государств, не входящих в Европейский союз, особое внимание стоит уделить Великобритании. В Великобритании делается вывод о том, что SC – это договор. В тринадцатой программы правовой реформы Великобритании содержался ряд положений в отношении SC. В частности, определялась его правовая природа, согласно которой SC – это самоисполнимый договор, записанный с помощью компьютерного (программного) кода. При этом в рамках данной реформы можно выделить некоторые проблемные положения, например, отсутствовала возможность удаления или изменения данных, записанных в системе блокчейн. В 2019 году экспертная группа Великобритании по внедрению технологий в сфере права опубликовала документ, содержащий ряд выводов о перспективах применения SC. Отмечалось, что SC формируют действительные, обязательные и подлежащие исполнению договоры между сторонами. SC же соответствует требованиям к заключению договора в соответствии с общим правом, юридический анализ SC стоит проводить с тех же позиций, что и для традиционных договоров. Реализация SC может осуществляться уже в рамках существующего законодательства, не вступая с ним в противоречие. Требование к подписи выполняется

посредством подписания SC закрытым ключом. SC допустимо признавать письменно заключенным, поскольку заключается он с помощью компьютерного кода. У подхода к SC как к договору есть свои преимущества, в частности, такая сделко-ориентированная модель правового регулирования позволяет рассматривать условия SC как достаточные для порождения юридических последствий, которые желали стороны, и не требующие иных подтверждений или доказательств, к тому же помимо определения юридических последствий, которые порождают заключение и исполнение SC, позволяет применить к SC условия недействительности сделок, изменить или расторгнуть SC, заключенный в блокчейне (с выполнением необходимых технических условий), применить соответствующие меры защиты и ответственности к стороне SC и, кроме того, определить право, применимое к SC, и юрисдикционный орган, который будет рассматривать спор из SC [Зайнутдинова, 2021, 144]. С данными выводами можно согласиться, поскольку действительно такой подход к правовому регулированию SC облегчит защиту прав и законных интересов лиц, использующих SC, но, тем не менее, из-за недостаточной проработки вопроса правовой природы SC сделать однозначный вывод о подходящих моделях правового регулирования на текущий момент затруднительно.

Заключение

Таким образом, относительно вопроса определения правовой природы SC, можно выделить две модели правового регулирования: первая – SC как технология, программный код, компьютерная программа; вторая – SC как договор. В большинстве рассмотренных случаев законодатель приходит к выводу, что наиболее правильно понимать SC как программный код. В некоторых же случаях модель правового регулирования складывается по второму варианту. Общими проблемами для всех государств, осуществляющих правовое регулирование SC, является слабая проработанность вопросов, связанных со спецификой SC. Не во всех случаях законодатель дает легальное определение SC, а даже если он делает это, то дальнейшего углубления в правовом регулировании он не осуществляет. Российскому законодателю стоит проанализировать опыт зарубежных государств, учесть преимущества и недостатки решений различных законодателей, после чего с учетом российской специфики осуществлять собственное правовое регулирование SC, поскольку вместе с развитием общественных отношений возрастает необходимость использования в них различных технологий, одной из которых и является SC.

Библиография

1. Декрет Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 года № 8.
2. Директива № 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об электронной коммерции» от 8 июня 2000 года.
3. Зайнутдинова Е.В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 126-147.
4. Регламент № 910/2014 Европейского парламента и Совета Европейского союза «Об электронной идентификации и удостоверительных сервисах для электронных транзакций на внутреннем рынке» от 23 июля 2014 года.
5. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 118-147.
6. Указ Президента Республики Беларусь «О цифровых банковских технологиях» от 18 апреля 2019 года № 148.
7. Чуб Д.В. Правовое регулирование смарт-контрактов во Франции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 151-159.
8. BGH. Urteil vom 16.10.2012 – X ZR 37/12.
9. Distributed Ledger Technologies and Smart Contracts in Italy. A Blog by Baker McKenzie. 28 February 2019.

Legal regulation of smart contracts in foreign states

Anatolii G. Korchagin

PhD in Law, Associate Professor,
Acting Head of the Basic Department of Antitrust and Entrepreneurial Law,
School of Law,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: yargul@rambler.ru

Yaroslav E. Gulevskii

Graduate Student,
School of Law,
Far Eastern Federal University,
690922, 10, Ajax, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: yargul@rambler.ru

Abstract

In the article, the authors consider the legal regulation of smart contracts in foreign countries, analyze the main approaches of legislators to the issue of determining the legal nature of smart contracts, and study the legal doctrine. The authors divide states into groups in accordance with the approach of legislators to determine the legal nature of smart contracts, the level of elaboration of legislation related to smart contracts. Regarding the issue of determining the legal nature of SC, two models of legal regulation can be distinguished: the first is SC as a technology, program code, computer program; the second is SC as a contract. In most of the cases considered, the legislator concludes that it is most correct to understand SC as a program code. In some cases, the model of legal regulation is formed according to the second option. Common problems for all states that carry out legal regulation of SC are the poor elaboration of issues related to the specifics of SC. Not in all cases, the legislator gives a legal definition of SC, and even if he does, he does not further deepen the legal regulation. The Russian legislator should analyze the experience of foreign countries, consider the advantages and disadvantages of the decisions of various legislators, and then, considering Russian specifics, implement their own legal regulation of SC, since along with the development of public relations, the need to use various technologies in them increases, one of which is SC.

For citation

Korchagin A.G., Gulevskii Ya.E. (2022) Pravovoe regulirovanie smart-kontraktov v zarubezhnykh gosudarstvakh [Legal regulation of smart contracts in foreign states]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (10A), pp. 435-441. DOI: 10.34670/AR.2022.99.13.026

Keywords

Smart contracts, legal nature, legal regulation, comparative legal analysis, contract law.

References

1. 13th Programme of Law Reform. Law Commission. Gov.uk. December 13, 2017.
2. BGH. Urteil vom 16.10.2012 – X ZR 37/12.
3. Chub D.V. (2019) Pravovoe regulirovanie smart-kontraktov vo Frantsii [Legal regulation of smart contracts in France]. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law], 8 (105), pp. 151-159.
4. Dekret Prezidenta Respubliki Belarus' «O razvitii tsifrovoi ekonomiki» ot 21 dekabrya 2017 goda № 8 [Decree of the President of the Republic of Belarus “On the development of the digital economy” dated December 21, 2017 No. 8].
5. Direktiva № 2000/31/ES Evropeiskogo parlamenta i Soveta Evropeiskogo soyuza «Ob elektronnoi kommertsii» ot 8 iyunya 2000 goda [Directive No. 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of the European Union "On electronic commerce" of June 8, 2000].
6. Distributed Ledger Technologies and Smart Contracts in Italy. A Blog by Baker McKenzie. 28 February 2019.
7. Reglament № 910/2014 Evropeiskogo parlamenta i Soveta Evropeiskogo soyuza «Ob elektronnoi identifikatsii i udostoveritel'nykh servisakh dlya elektronnykh tranzaktsii na vnutrennem rynke» ot 23 iyulya 2014 goda [Regulation No. 910/2014 of the European Parliament and of the Council of the European Union “On electronic identification and authentication services for electronic transactions in the internal market” of July 23, 2014].
8. Truntsevskii Yu.V., Seval'nev V.V. (2020) Smart-kontrakt: ot opredeleniya k opredelennosti [Smart contract: from definition to certainty]. Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics], 1, pp. 118-147.
9. Ukaz Prezidenta Respubliki Belarus' «O tsifrovyykh bankovskikh tekhnologiyakh» ot 18 aprelya 2019 goda № 148 [Decree of the President of the Republic of Belarus “On Digital Banking Technologies” dated April 18, 2019 No. 148].
10. Zainutdinova E.V. (2021) Modeli pravovogo regulirovaniya smart-kontrakta: obshchee i osobennoe [Models of legal regulation of a smart contract: general and special]. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics], 3, pp. 126-147.